

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.19>**РЕЧЬ УЧАСТНИКОВ УЛИЧНЫХ ГРУППИРОВОК КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: НОВЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Научная статья

Тонкова Е.Г.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6403-8345;¹ Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (eltonkova[at]yandex.ru)

Аннотация

Автор статьи акцентирует внимание на том, что благодаря культурным событиям последнего времени усилился общественный интерес к феномену молодёжных группировок, появившихся в поздние годы существования СССР. Материалом для проведённого исследования послужила живая речь бывших участников молодёжных преступных формирований, представленная в книге Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х». Её следует рассматривать как важное документальное свидетельство своей эпохи. В результате анализа языка представителей молодёжных группировок были выявлены аутентичные лексические единицы, не включенные в словари субстандартной лексики. Статья может быть полезна жаргонологам и культурологам, изучающим лексику ограниченного употребления разных эпох.

Ключевые слова: жаргон, арг, литературный язык, речевой субстандарт, словарь.**SPEECH OF STREET GANG MEMBERS OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY: NEW OPPORTUNITIES
AND PROSPECTS FOR STUDY**

Research article

Tonkova Y.G.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-6403-8345;¹ Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

* Corresponding author (eltonkova[at]yandex.ru)

Abstract

The author of the article focuses on the fact that due to the cultural events of recent times, the public interest in the phenomenon of youth groups that emerged in the late years of the USSR has increased. The material for the study was the live speech of the former members of youth criminal groups, presented in the book by R. Garayev "The Word of a Kid. Criminal Tatarstan of 1970-2010s". It should be regarded as an important documentary evidence of its era. As a result of analysing the language of representatives of youth groups, authentic lexical units not included in dictionaries of substandard vocabulary were identified. The article can be useful for jargonologists and cultural studies specialists who research the vocabulary of restricted use of different eras.

Keywords: jargon, argot, literary language, speech substandard, dictionary.**Введение**

В 2020 году вышла в свет книга Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х», которая, благодаря своему содержанию, сразу же заинтересовала социологов, антропологов, политологов, журналистов. В 2023 году произведение вновь оказалось в центре общественного внимания, что было обусловлено выходом на платформах Start и Wink сериала о казанских молодёжных группировках 1980-х годов «Слово пацана. Кровь на асфальте». Онлайн-кинотеатры указывают на то, что сериал, невзирая на похожее название, не является экранизацией книги Р. Гараева. Однако автор был знаком с проектом и участвовал в нём в качестве консультанта. Примечательно, что произведение Р. Гараева практически не было замечено лингвистами, хотя оно содержит очень ценный материал для изучения русских социальных диалектов, в частности, арг и молодёжного жаргона.

Для жаргонологов исследование Р. Гараева интересно в первую очередь тем, что это – интерактивный и коллективный проект. Так, Т. Бочаров в рецензии на книгу пишет: «Автор создал в социальной сети группу «Казанский феномен», где обсуждал с участниками группы многие из тем, которые впоследствии попали в книгу. Такую степень вовлечения участников редко встретишь даже в исследованиях профессиональных социологов и антропологов» [1, С. 129-130]. Автор рецензии также отмечает, что интервьюируемые рассказчики чаще всего используют живой язык, на котором говорят в повседневности. «Это помогает вовлечь читателя в происходящее и приближает к описываемой реальности. Порой при чтении поражает, насколько сильно эти речевые обороты срослись с идентичностью информантов <...>, когда даже отошедшие от дел мужчины старше 40 лет, а порой и пенсионного возраста, легко переключаются на язык казанских улиц» [1, С. 130].

Речь участников молодёжных группировок за редким исключением не является объектом лингвистического изучения уже два десятилетия, поскольку сложилось мнение, что уличные «моталки», «конторы», равно как и их специфический язык, канули в небытие. Однако материалы, представленные в исследуемой книге, свидетельствуют о том, что в лексикографических трудах представлены далеко не все социолектизмы, функционировавшие в речи

хулиганствующей молодёжи, и, соответственно, вокабуляры словарей субстандартной лексики могут быть дополнены ранее не зафиксированными единицами.

Методы и принципы исследования

В процессе исследования использовались методы лингвистического наблюдения и описания, метод словарного толкования лексем, метод контекстного анализа лексических единиц, приёмы нормативного анализа. Материалом для исследования стала речь бывших участников уличных группировок 1970-2010-х годов, представленная в книге Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х». Речь хулиганствующих группировщиков является важным документальным свидетельством своей эпохи. Это часть русского языка, буквально ворвавшаяся во времена перестройки на страницы газет, журналов, публицистических произведений и поразившая читателей своей откровенностью и агрессивностью, и она должна быть не только глубоко изучена, но и репрезентирована в лексикографических трудах.

Основные результаты

Жаргон молодёжных группировок 1970-2010-х не описан как отдельный лингвистический феномен в научных статьях и монографиях. Его считают либо частью молодёжного жаргона (М. А. Грачев), либо частью русского арго (Г. М. Лисина). В частности, Г. М. Лисина в классификации языка преступников называет этот социолект «арго лиц, входящих в организованные преступные формирования, в особенности молодёжные (характерное для Республики Татарстан)» [10, С. 9]. Следует отметить, что язык хулиганствующей молодёжи был распространённым явлением не только в Республике Татарстан, но и в других субъектах Российской Федерации (Чувашской Республике, Республике Марий Эл, Удмуртской Республике, Ульяновске, Нижнем Новгороде и т. д.).

Судя по ссылкам изданных словарей субстандартной лексики, основными источниками для сбора вышеназванного языкового материала в 1990 и 2000-е гг. являлись документальная литература, публицистические статьи и записи живой речи криминальных элементов. Однако появление соцсетей и желание бывших участников группировок открыто высказать в них своё мнение о «казанском феномене», публикация новых документальных проектов дают возможность оценить то, насколько полно жаргон представлен в лексикографических трудах.

Проанализированный материал позволяет прийти к следующим выводам. В словарях субстандартной лексики оказались не репрезентированы следующие лексические единицы, обнаруженные на страницах книги Р. Гараева.

3.1. Номинации участников группировок по возрасту (возрастная иерархия)

В частности, не зафиксированы в словарях названия представителей младшего возраста: *скорлупа*, *пи**юки* (неценз.), *чеграши*, *зеленые*, *огурцы*.

Собирательное существительное *скорлупа*, заимствованное из литературного языка, в данной ситуации можно считать не имевшим широкого хождения прямым синонимом собирательного субстантива *шелуха*, гораздо более распространённого в речи группировщиков (общее в значении слов в литературном языке – обозначение внешней оболочки). См.: «ШЕЛУХА, -и, ж. Собр. Члены хулиганствующей молодёжной группировки в возрасте 10-13 лет. (Хул.)» [4, С. 631].

Слово *пи**юки*, по-видимому, не попало в словари вследствие своей табуированности: нецензурная лексика по объективным причинам не могла оказаться на страницах газет, журналов и документальных произведений в 1980-е и в нач. 1990-х гг. Кроме того, участники группировок могли не использовать данное слово в присутствии посторонних, поскольку семантика этого обценного существительного крайне негативна: «ПИ**ЮК, м. Общ. Грубо-прост. Бранно. 1. Негодяй, мерзавец. 2. Ничтожество, никчемный человек. 3. Болтун, трепач» [9, С. 257]. Косвенное свидетельство этому предположению можно найти в интервью Рустама Х. (1971 года рождения, состоял в группировках «Хади Такташ», «Зорге»), представленном в книге Р. Гараева: «*Пи**ки – это действительно обидно было. Я даже со средним чуть не подрался, когда тот первый раз меня так назвал. Я говорю: «Я не пи**юк», он мне, о**евший от неожиданности: «А че, ты старший, что ли?» Уже позднее мне объяснили, что я по состоянию пи**юк, потом привык и не огорчался»* [2, С. 93] (средний – ‘участник группировки, занимающий в возрастной иерархии место между молодыми и старшими’, старший – ‘участник группировки, находящийся на ступени между средними и стариками’). Кроме того, в интервью Валерия А. из Нижнекамска (1976 года рождения, участника группировки в 1993-1995 годах и семейки в 1996-1998-м) встречается более приемлемый для разговорной речи вариант этого названия – *пиштюк*: «*Все друг друга хорошо знали с детства, хотя и не всегда прятельствовали. Ведь толпа состоит не из друзей, а из возрастов: старики, старшие, молодые и пиштюки»* [2, С. 398].

Существительное *чеграш* находим в словаре арго, однако в нём оно представлено другими значениями: «ЧЕГРАЧ, -а, м. Мелкий воришка неопределённой квалификации (Пот.). ЧИГРАЧ, -а, м. Мелкий вор. *Менты сейчас не обращают внимания на чиграчей.* ЧИГРАШ, -а, м. 1. Молодой, неопытный игрок в карты. *Катала обчистил чиграша до копейки.* 2. То же, что ЧЕГРАЧ. *Авторы не уважали таких чеграшей»* [3, С. 1014]. Таким образом, лексема *чеграш* была заимствована участниками группировок из арго криминальных элементов и на основе сходства по признаку ‘мелкий, молодой’ стала обозначать младшего по возрасту в группировке.

Лексема *зеленый* заимствована из разговорной разновидности литературного языка в переносном значении ‘неопытный по молодости’. В результате метафорического переноса (в основе лежит сходство по цвету) появился жаргонизм *огурец*.

Названия других возрастов зафиксированы в словарях субстандартной лексики. Большинство выявленных лексем заимствовано носителями жаргона из русского литературного языка: *молодые*, *молодняк*, *средние*, *старшие*, *старики* – или из арго: *пахан*, *автор*, *авторитет* (два последних слова заимствованы аргозирующими из литературного языка). В этом ряду особняком стоит слово *супер* – ‘член хулиганствующей молодёжной группировки в возрасте 14-16 лет’. В стандартном языке *супер* является приставкой, в языке группировщиков это самостоятельная лексическая единица, обладающая словоизменительными формами: «*В крупных казанских группировках было до шести возрастов: спустя в*

среднем год или два после уже названного младшего возраста в один день вы все вместе переходили на ступень выше и становились суперами. Это происходило в тот момент, когда ваши старшие (супера) превращались в молодых (из-за схожести названия этого возраста с младшими часто возникала путаница), в то время как молодые становились средними, а те – старшими, и так вплоть до стариков [2, С. 88]. Ударное окончание *-а* у слов мужского рода в именительном падеже множественного числа типично как для устной разновидности литературного языка (*тренера́, кондитера́, шофера́*), так и для речевого субстандарта (*опера́, мусора́, любера́, шниффера́*). Таким образом, словоформа *супера* является примером того, как жаргонные единицы подчиняются воздействию определённых субнорм (некодифицированных, узуальных норм), и эти субнормы одобряются всеми носителями социолектов.

Кроме того, в исследуемой книге Р. Гараева приведена речь Алексея З. из Ульяновска (1996 года рождения, участника группировки с 2009 года), в которой можно обнаружить словоформу *сапера́* (в речи других интервьюируемых она не встречается): «Возраста у нас такие: шелуха, пи**дюки (*сапера*), молодой, молодые, средние и старшие [2, С. 397]. Очевидно, что в речи участников группировок более позднего времени (2000-2010-х гг.) слово *супер* трансформировалось как фонетически, так и семантически (оно стало обозначать младших участников группировок), однако при этом оно имеет ту же ударную флексию *-а* в именительном падеже множественного числа.

3.2. Номинации участниц женских группировок

Имеются разные точки зрения о том, существовали ли в реальности женские молодёжные группировки. В книге Р. Гараева есть часть, посвящённая «*бабским конторам*». Автор считает, что такие группировки были, и приводит следующую информацию: «Девушек-группировщиц в городе называли «матрешками» – это слово было эквивалентом слова «пацанки» [2, С. 247]. Слово *матрёшка* с таким значением не представлено в словарях субстандартной лексики. В молодёжном сленге данное слово имеет другую семантику: «МАТРЕ́ШКА, и, ж. *Девушка, женищина*» [12, С. 124].

Кроме того, в документальном проекте Р. Гараев приводит фрагмент статьи С. Николаевой «Казанские гопницы: жизнь без права на слёзы» (1991 г.): «Во главе каждой группировки стоит «авторша». Обычно ей лет шестнадцать-семнадцать, остальным меньше двенадцати. А у «авторши» бывает обычно «подруга». Они диктуют свои условия. Остальные все «шавки» и права голоса не имеют» [2, С. 397]. Лексемы *авторша, подруга* в словарях субстандартной лексики не зафиксированы. Слово *шавка* в арготических словарях представлено другими значениями: «ШАВКА², -и, ж. 1. Доносчик. *Шавке за Горбатого пасть порвали*. 2. Крикун. *Шавка! Жуй свою пасть и не вякай, раздражаешь!*» [3, С. 1037]; «ШАВКА³, -и, м. Мелкий преступник. «*Бродяги, мы ведь с вами не шавки и уж точно не бараны*» (Е. Сухов. На зоне). 2. Непрофессиональный преступник. «*Кто просто ворует – это «шавки», «безыдейные» (Г. Медынский. Честь)*» [3, С. 1037].

Необходимо отметить, что язык криминального мира имеет маскулинный характер, поскольку большинство преступлений совершается мужчинами. В свете вышесказанного речевой иллюстративный материал, раскрывающий сферу женской преступности, приобретает особую ценность и значимость и нуждается в словарной фиксации.

3.3. Жаргонизмы, называющие различные действия, характерные для молодёжных уличных группировок

В первую очередь заслуживает внимания глагол совершенного вида *пришить* (НСВ *пришивать*) – ‘присоединить к улице, группировке’: «*Посоветовался с друзьями, которые пришили меня к возрасту*» [2, С. 589]. В арготических словарях зафиксирован только возвратный глагол *пришиться* (НСВ *пришиваться*) – ‘присоединиться’. В книге Р. Гараева этот глагол встречается неоднократно: «*Теперь здороваться с ним за руку не смогут даже чушпаны. соответственно, ни в какую другую группировку он пришиться больше не сможет*» [2, С. 586]; «*Это значило, что я смогу пришиться к другой улице*» [2, С. 593]. От видовой пары *пришить – пришивать* образованы лексемы *пришив – ‘присоединение’*: «*Так что пришив был делом формальным*» [2, С. 79]; *пришивание – ‘присоединение’*: «*Ритуал пришивания – то есть присоединения к группировке, получения гражданства – формируется в 1980-х*» [2, С. 65]. Данные отглагольные существительные отсутствуют в лексикографических трудах. Помимо этого, в речи интервьюируемых бывших участников группировок встречается страдательное причастие прошедшего времени *пришитый*, образованное от глагола *пришить*, например: «*Я был одним из первых пришитых пи**юков в своем возрасте*» [2, С. 93]. В русском арготическом причастии *пришитый* имеет значение ‘убитый’, см.: «ПРИШИТЫЙ, -ая, -ое. Убитый. *Двух бомжей пришитых на горнице нашли*» [3, С. 750].

Не менее интересен с лингвистической точки зрения антонимичный жаргонный глагол *отишить* – ‘изгнать с улицы, из группировки’ (НСВ *отишивать*), см.: «*Отишили тех троих, загасили как чушпанов*» [2, С. 94]. Этот глагол зафиксирован в арготических словарях и имеет сходную семантику: «ОТШИТЬ¹, отошью, отошьёшь; сов. 1. Прогнать. «*Когда Катюша ... потребовала, чтобы их поставили на бетон, десятник захотел отишить их*» (Ф. Гладков. Энергия). 2. Изгнать из воровской группировки. *Чтобы отишить вора, для этого нужны такие доказательства, что ой-ой-ой, а то и тебя поиметь могут*» [3, С. 639]; «ОТШИТЬ – каким-либо образом избавиться от нежелательного гостя или спутника. Слово употребляется с дореволюционных времен. «*Нужно было срочно отишить его, иначе вся затея могла рухнуть, как карточный домик*» [8, С. 422]. В речи бывших участников группировок встречается страдательное причастие прошедшего времени *отищенный*: «*Понимаешь, мы сами пришли и сказали: мы уходим с улицы. То есть можно быть отищенным, а можно уйти*» [2, С. 591]. От парного глагола несовершенного вида *отишивать* образуется страдательное причастие настоящего времени *отишиваемый*, см.: «*Сила избиения никак не регламентировалась: по словам одного из моих собеседников, в одной из группировок казанского района Дербышки отишиваемого паренька случайно запинали толпой насмерть*» [2, С. 582]. Производным от этого глагола является существительное *отишивание*: «*Если несколько сходняков без уважительной пропустил – вплоть до отишивания*» [2, С. 123].

В словарях субстандартной лексики представлены глаголы *гасить* (СВ *загасить*) – ‘бить до потери сознания’, *зачморить* – ‘унизить’ (также зафиксировано страдательное причастие прошедшего времени *зачморенный*), *махаться* – ‘драться’ (также представлены производные существительные *махалово, махаловка, махач* со значением ‘драка’), *месить* – ‘бить’ (помимо этого, зафиксировано производное существительное *месиловое – ‘драка’*), *метелить* (СВ

отметелить) – ‘бить кого-либо’, *мотаться* – ‘состоять в неформальной группировке хулиганствующей молодёжи; драться за кого-либо’ (также в словарях зафиксировано субстантивированное причастие *мотающийся* – ‘представитель казанской хулиганствующей молодёжи’). Все вышеназванные лексемы и словоформы встречаются в речи интервьюируемых группировщиков.

Между тем не включены в словари отглагольные существительные *отмах* – ‘процесс действия по гл. отмахаться – «оборониться, отбиться от кого-л.»’ (напр., «*Пацаны защищают свою территорию и честь – они обязаны встать в отмах, если их оскорбляют или посылают на три буквы*» [2, С. 103]); *замес* – ‘процесс действия по гл. замесить – «сильно избить»’ (напр., «*Если их пацан попал в замес, сто процентов стоило ждать ответки*» [2, С. 190]); *пробивон* – ‘процесс действия по гл. пробивать – «бить»’ (напр., «*.. Ну а молодые (так иногда называли себя пиштуки) вовсе ненавидели молодых, которые были над ними. За всякие пробивоны в тему и не в тему (за каждый зихер пробивали ударом в грудак: например, руку пожал слабо при приветствии, или не заметил издалека, или вообще проигнорил)*» [2, С. 190]).

Следует зафиксировать в словарях жаргонный глагол совершенного вида *курсануть* – ‘предупредить, осведомить’ с разговорным суффиксом *-ану* и соотносительный с ним глагол несовершенного вида *курсовать*: «*Парни Джавду курсанули, мол, так и так, забили стрелку и предложили: «Давай мы сами съездим, отстреляемся и уедем?»*» [2, С. 536]; «*В старые времена если кто из братвы болел «хроническим», то по понятиям обязан был курсовать тех, с кем дырявился, но не обязан был курсовать в быту. Сегодня они не курсуют вообще, не считают нужным, охамели вконец*» [2, С. 336] (*дыряться* – ‘употреблять наркотики путём инъекции’). Также необходимо добавить в жаргонные вокабуляры глаголы *подвести* (СВ) – ‘рекомендовать кандидата для выступления в группировку’: «*Прежде чем подвести кого-то, ты должен был курсануть на сходе об этом: что за человек, что известно о нем*» [2, С. 73]; *подходить* (НСВ) – ‘присоединяться к улице, группировке’: «*Мне задали вопрос, который задают всем новеньким: «С какой целью подходишь на улицу?»*» [2, С. 600]. Кроме того, в речи бывших участников группировок частотен глагол несовершенного вида *ломиться* – ‘сбегать, убежать’ (СВ *сломиться*): «*Газовские на нас побежали – ломиться нельзя, впадлу, а их больше в несколько раз, и они взрослее*» [2, С. 94]; «*Двое в больнице, одного отшили: он сломился*» [2, С. 379]. Данный глагол близок по семантике арготизму *ломиться*: «*ЛОМАНУТЬСЯ, ЛОМИТЬСЯ ИЗ ХАТЫ – выбрав удобный момент, выбежать из камеры*» [8, С. 330].

В целом речь участников группировок изобилует разнообразными нецензурными глаголами, синонимичными жаргонизмам *гасить* и *метелить*. В этом случае можно предположить, что данное явление обусловлено активным влиянием русского просторечия, и в очередной раз подчеркнуть тот факт, что границы между отдельными подсистемами русского национального языка довольно зыбки и легко проницаемы.

3.4. Жаргонизмы, называющие предметы, используемые в драке

В данном ряду наиболее известным является слово *монтажка* – ‘что-либо тяжёлое, грубое; то, чем можно сильно ударить’: «*Основным оружием в этих войнах помимо кулаков и ног стали монтажки, поэтому иногда эти войны называют монтажными*» [2, С. 176]. Между тем в словарях субстандартной лексики с таким значением представлено только слово *монтажка* [7]. Кроме того, в интервью, опубликованных Р. Гараевым, неоднократно звучит синоним *монтаж*, см., например: «*Массовая драка выглядит так: весело, задорно, ничего не понятно. Со всех сторон летают кирпичи, монтажники*» [2, С. 185]. Этого слова также нет в изданных словарях.

Специфично использование в речи бывших группировщиков слова *арматура*. В русском литературном языке его семантика такова: «*АРМАТУРА, -ы, ж. 1. собир. Вспомогательные устройства и детали, необходимые для обеспечения работы основного оборудования. А. трубопроводная, электротехническая, печная. 2. Стальной каркас железобетонных конструкций (спец.)*» [11, С. 29]. В жаргоне уличных группировок это существительное является синонимом слов *монтажка* и *монтаж* и утрачивает значение собираемости, приобретая форму множественного числа: «*Если стрела забивалась пять на пять, это не значит, что за углом не могло присутствовать еще человек по пятьдесят с арматурами или прочими орудиями*» [2, С. 162]; «*Они были заряжены по полной, в отличие от их противников: здоровые дыны, арматуры, видел несколько цепей*» [2, С. 191].

3.5. Номинации набегов, совершаемых хулиганствующей молодёжью на враждебные группировки

В жаргоне уличных группировок произошла субстантивация некоторых этикетных формул приветствия, в частности, выражений *Доброе утро! С добрым утром! Добрый вечер! С добрым вечером!* См. примеры: «*Старшие приходили на сборы и говорили молодежи: «Начинаем «Доброе утро» и «Добрый вечер». С вас трое: двоих в реанимацию, одного в морг. Полетели!»* [2, С. 180]; «*Именно тогда появились набеги «С добрым утром» и «С добрым вечером», а в обиход вошло слово «копилка» – выбоина в черепе после удара монтажкой*» [2, С. 177] (необходимо отметить, что лексема *копилка* с приведённым в примере значением также не зафиксирована в словарях); «*В какой-то момент группировщики стали совершать утренние боевые «пробежки» под названием «С добрым утром». Это было в восемь-девять часов утра, когда на улицах милиции вообще не было, а в райотделах происходили пересменки*» [2, С. 180]. В русском арго похожие примеры зафиксированы в других значениях: «*С ДОБРЫМ УТРОМ – утренняя кража в гостинице*» [3, С. 821]; «*УТРО ДОБРОЕ – 1. Особый вид кражи в гостинице у клиентов. 2. Кража на рассвете*» [3, С. 943].

3.6. Жаргонизмы, обозначающие функции или статус людей

В ряду подобных номинаций следует отметить субстантиваты *крайний* – ‘смотрящий (лидер в своем возрасте)’: «*В нашем возрасте было двое крайних (так у нас тогда называли смотрящих) – Мальчи и Куян (с татарского это слово переводится как «заяц»)*» [2, С. 96]; *основной* – ‘лидер’: «*У них Федя был основной и была бригада Бибика*» [2, С. 329]; существительное *обрыган* – ‘невзрачный, плохо одетый человек’ (то же, что жарг. *обсос*): «*А ехать не в чем, как обрыган одет*» [2, С. 135]. Интересно, что статус человека мог обозначаться не только с помощью самостоятельных лексем, но и предложно-падежных форм: *при пацанах, не при делах*. См.: «*Также существовала категория «при пацанах» – в нее входили ребята, которые близко общались с участниками группировок и поэтому находились под их*

протекцией. В обозначенной системе координат они являются чушпанами, но в лицо им этого никто не говорил, а при попытке идентифицировать человека его статус определяли нейтральным «не при делах» [2, С. 127].

Таким образом, приведённые примеры свидетельствуют о том, что далеко не все жаргонизмы, бытовавшие в языке уличных группировок конца XX – начала XXI века, попали в словники изданных лексикографических трудов. Между тем лексический состав субстандартных речевых подсистем отличается изменчивостью, поскольку жизнь отдельных слов не всегда продолжительна, а языковая мода на них характеризуется неустойчивостью. Без своевременного отображения в лингвистических работах могут быть утрачены значимые пласты городской речи, являющейся важным элементом городской субкультуры. Поскольку молодёжные группировки были заметным явлением своего времени, невозможно говорить о том, что они не оказали существенного влияния на молодёжную субкультуру и молодёжный сленг.

Обсуждение

Известный лингвист М. А. Грачев констатирует: «В настоящее время появился новый стиль устной речи, характеризующийся объединением нормированных слов с социолектизмами, большую долю среди которых составляют арготизмы» [5, С. 63]. Именно такой видится речь большинства интервьюируемых в документальном проекте Р. Гараева. См., например, фрагмент из книги: «И тут мне на ум приходит такое, я говорю: «Слышите, пацаны? Вы даёте слово пацана, что такого-то числа он отдаст бабки?» Смотрю, они сначала зашевелились. И тут выходит Братан и говорит – дословно: «Мы даём тебе слово «первогородских» пацанов, что такого-то числа будут бабки». Я говорю: «Все, конфликт исчерпан, разъезжаемся». Чтобы ты понимал, они кидали всех налево-направо, у них был миллион случаев, когда они приезжали на стрелку, под стволы ставили пацанов, беспределли [2, С. 107-108]. В этом примере наблюдается смешение черт молодёжного жаргона и арго, просторечия, устной формы литературного языка. Выбор языковых средств, осуществляемый большинством носителей русского языка, обусловлен социальными и ситуативными параметрами коммуникативного акта. Бывшие участники уличных группировок рассказывают о прошедших событиях именно так, как это было принято в их субкультуре, поэтому в тексте встречаются нецензурные слова.

О языке молодёжных группировок М. А. Грачев писал: «Представители хулиганствующей молодёжи употребляют в основном общеуголовную лексику... Однако в их речи имеются специфические слова, например: боец – «член молодёжной хулиганствующей группировки», контора – «неформальное объединение хулиганствующей молодёжи», назначенный – «представитель хулиганствующей молодёжи, который должен отбывать наказание в местах лишения свободы» [4, С. 10]. Автор статьи оценивает то, как язык молодёжных группировок 1970-2010-х годов репрезентирован в изданных словарях субстандартной лексики, и предлагает пополнить словники ранее не выявленными лексическими единицами.

Заключение

Арготолог и лексикограф М. А. Грачев констатирует: «В последнее время наблюдается частое употребление грубой и ненормированной лексики в любой сфере и при любом языковом общении» [6, С. 216]. В этой ситуации всестороннее и глубокое изучение русского национального языка означает обращение не только к речевому стандарту, но и субстандарту. Анализ речи бывших участников молодёжных группировок позволяет говорить о том, что зачастую она вызывающе вульгарна, насыщена социолектизмами и просторечными единицами, анормативна в плане грамматики. С другой стороны, эмоциональность, экспрессивность, яркая негативная образность, присущие ей, по своему привлекательны для носителей русского языка, и это невозможно отрицать. Неслучайно сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» понравился 97% зрителей. Феномен молодёжных группировок, как и их язык, до сих пор не исследован до конца. Изучение языка группировщиков на современном этапе может способствовать определению места регионального компонента в системе социальных вариантов русского языка (у группировок из разных регионов Российской Федерации жаргон может отличаться), а также позволяет дополнить существующие словари субстандартной лексики новыми единицами. Живая речь бывших представителей молодёжных формирований является ценным и достоверным источником сведений, касающихся деятельности уличных группировок, их этических взглядов, ценностей и т. д. Немаловажным является тот факт, что лексика ограниченного употребления может рассматриваться как атрибут определённой исторической эпохи, помогающий воссоздать целостную картину жизни позднего СССР и «лихих девяностых». Вместе с тем современным носителям русского языка не следует воспринимать подобные слова как узуальные, тривиальные. Изучая социальные диалекты русского языка, лингвисты должны помнить о своей обязанности давать объективный комментарий уместности употребления в речи образованных людей грубых, сниженных слов из жизни криминального мира.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бочаров Т. Светлана Стивенсон. Жизнь по понятиям: уличные группировки в России / Т. Бочаров. — М.: Страна ОЗ, 2017. — 304 с.

2. Гараев Р.Н. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970-2010-х / Р.Н. Гараев. — М.: Individuum, 2021. — 624 с.
3. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего русского арга: 27 000 слов и выражений / М.А. Грачёв. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. — 1120 с.
4. Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона / М.А. Грачёв. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 672 с.
5. Грачев М.А. Лексикографические проблемы составления словарей арга / М.А. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2019. — Т. 18. — № 1. — С. 62-73.
6. Грачев М.А. Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке / М.А. Грачев // Нефилология. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 210-217.
7. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. — 672 с.
8. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / З.М. Зугумов. — М.: Книжный мир, 2014. — 728 с.
9. Мокиенко В.М. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — СПб.: Норинт, 2004. — 448 с.
10. Лисина Г.М. Арготизмы заимствованного происхождения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.М. Лисина. — Казань, 2021. — 24 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: А ТЕМП, 2010. — 874 с.
12. Толковый словарь молодёжного сленга от Светы и Ромы Букиных. Родителям читать не рекомендуется / Авт.-сост. Т. Г. Никитина. — М.: Премьера, 2008. — 224 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bocharov T. Svetlana Stivenson. Zhizn' po ponyatiyam: ulichnye gruppировки v Rossii [Svetlana Stevenson. Life by concepts: street groups in Russia] / T. Bocharov. — М.: Страна OZ, 2017. — 304 p. [in Russian]
2. Garaev R.N. Slovo pacana. Kriminal'nyj Tatarstan 1970–2010-h [The Word of the Kid. Criminal Tatarstan of the 1970-2010's] / R.N. Garaev. — М.: Individuum, 2020. — 624 p. [in Russian]
3. Grachev M.A. Slovar tysyacheletnego russkogo argo [Dictionary of the Millennial Russian Argot] / M.A. Grachev. — М.: Ripol Classic Publishing House, 2003. — 1120 p. [in Russian]
4. Grachev M.A. Slovar' sovremennogo molodyozhnogo zhargona [Dictionary of Modern Youth Jargon] / M.A. Grachev. — М.: Eksmo Publishing House, 2006. — 672 p. [in Russian]
5. Grachev M. A. Leksikograficheskie problemy sostavleniya slovarej argo [The Lexicographic Problems of Compiling Argot Dictionaries] / M. A. Grachev // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. — 2019. — Vol. 18. — №. 1. — P. 62-73. [in Russian]
6. Grachev M.A. Adaptatsiya argoticheskikh edinit v obshchenarodnom russkom yazyke v XXI veke [Adaptation of Argotic Units in the National Russian Language in the 21st Century] / M.A. Grachev // Neofilologiya [Neophilology]. — 2022. — Vol. 8. — № 2. — P. 210-217. [in Russian]
7. Elistratov V.S. Tolkovyy slovar' russkogo slenga [Explanatory Dictionary of Russian Slang] / V.S. Elistratov. — Moscow: AST-PRESS BOOK, 2005. — 672 p. [in Russian]
8. Zugumov Z.M. Russkoyazychnyj zhargon. Istoriko-etimologicheskij, tolkovyy slovar' prestupnogo mira [Russian-language Jargon. Historical and Etymological, Explanatory Dictionary of the Criminal World] / Z.M. Zugumov. — М.: Book World, 2014. — 728 p. [in Russian]
9. Mokienko V.M. Slovar' russkoj brani (matizmy, obscenizmy, evfemizmy) [Dictionary of Russian Swearing (Matizms, Obscenisms, Euphemisms)] / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. — St. Petersburg: Norint, 2004. — 448 p. [in Russian]
10. Lisina G.M. Argotizmy zaimstvovannogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke [Argoisms of Borrowed Origin in the Russian Language]: abstract dis. ... of PhD in Philology / G.M. Lisina. — Kazan, 2021. — 24 p. [in Russian]
11. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. — Moscow: A TEMP, 2010. — 874 p. [in Russian]
12. Tolkovyy slovar' molodezhnogo slenga ot Svetly i Romy Bukinyh. Roditelyam chitat' ne rekomenduetsya [Explanatory Dictionary of Youth Slang from Sveta and Roma Bukin. Parents are not recommended to read] /Comp. by T.G. Nikitina. — Moscow: Premiere, 2008. — 224 p. [in Russian]